

СЕЙЯД АРАН

РАССКАЗЫ

Недостача

– Что же мне, несчастному, делать? Как же быть? Я же тебе, Гамид, миллион раз говорил, что мне там не место, поручи это дело другому! Говорил или нет?!

Не получив ответа на свой вопрос, Тавеккюль, трясаясь от злости, вытянул руки с набухшими венами вперед и, громко стуча пятками об пол, повторил свой вопрос:

– Нет, ты ответь мне, говорил я тебе или нет?!

Двери и окна здания правления, построенного в прошлом году, сотряслись. Стоящая на столе открытая чернильница подпрыгнула пару раз, как орех, и опрокинулась, окрасив чернилами газету и несколько листов бумаги, лежащие перед председателем. Сидящий на стуле председатель резко отскочил назад и ударился головой о стену. Передние ножки стула сломались. Падая, председатель выставил вперед конечности, и теперь у него болела не только голова, но и колени. Сидя на полу, он потер правой рукой колено, а левой шишку на затылке, стона и охая, рассмотрел пальцы под светом лампы и несколько успокоился. «Кажется обошлось без крови». Прибывшие с отчетом по хлопку и за платой за минувшую пятидневку люди, сидевшие на стульях вдоль стены, подскочили и подбежали к председателю:

– Дорогой, как ты? Голову не разбил?

Особенно усердствовал избранный в этом году бригадиром Наджаф:

– Велиш, беги за доктором. Не приведи Бог, вдруг сотрясение мозга...

А Тавеккюль, как ни в чем не бывало, продолжал:

– Поставщик Ганбай житья мне не дает. Говорит, не могу отправить вагон полупустым, и все дела! Где хочешь, говорит, найди до вечера арбузы и доставь мне. И что мне теперь делать? Кто прокормит моих детей? Клянусь могилой отца, раз уж так, всю правду расскажу! Вот увидите!

Председатель Гамид прошел через толпу собравшихся прямо к Тавеккюлю. Его худощавое тело и бледное лицо резко контрастировало с обветренным и загорелым лицом Тавеккюля. Гамид, все еще поглаживая шишку на затылке, сгибаясь и разгибаясь от боли, чуть не тыча пальцем ему в глаз, заорал:

– Какую правду ты собираешься раскрывать, негодяй?! Чем угрожаешь, а? Делай что хочешь! Нечего было дурака валять, следил бы за работой! Трудодни еще не распределены, аванс не выплачен, по какому такому праву ты разбазарил товар первым встречным? Кто тебе дал такое право, у какого ты разрешения спросил, а?! Отвечай же!

Последние слова председателя прогремели как бомба. Несколько человек из присутствующих, от греха подальше, тихонечко выскользнули из кабинета. Бригадиры, прибывшие в управление с отчетом о сборе хлопка, водители, ожидающие наряда на следующий день, механизаторы, словом все остолбенели.

От повеления «Отвечай!» у Тавеккюля в горле пересохло. Словно ему только сейчас открылось понимание безнадежности его положения и собственной вины. Гамид и в самом деле неоднократно говорил ему:

«Завязывай с мягкотелостью, будь тверже. У Солтана арбузы сладкие, как мед. Если раздавать всем подряд, угождать каждому, то и без штанов можно остаться. Ищи-свищи потом ветра в поле. Ни тебе не рассчитаться, ни мне.

Хоть арбузы и не кримплен, не запчасти автомобильные и не посуда хрустальная, а при расчете здорово бьет по карману. Учítывая, что самый маленький весит 3 кило, и мало того, что раздаешь направо-налево, еще и сам, чтобы утолить жажду, съедаешь в день как минимум два, – то в месяц получается полтонны. Умножь все это на пятьдесят копеек и сравни все свое имущество с полученным результатом».

Тавеккюль хорошо помнил эти слова. Но так же хорошо помнил, что и сам председатель немало унес этих самых арбузов. В первый раз, когда прибыл проведать Тавеккюля: «Решил проведать тебя, не скучаешь ли тут на безлюдье». Во второй раз, когда гости из Баку прибыли, в следующий – водителя своего заслал, Велиша. А Велиш выбрал самые хорошие арбузы, каждый, как минимум, килограмм по восемьдесят, и был таков. Кроме этого, всевозможные «кузены», «племянники», «двоюродные-троюродные», «внучатые племянники» и т.д. и т.п. – никто не уходил без арбуза.

– Посмотрите на этого глашатая истины! Расскажет он все! Сколько раз тебе говорил, поручал, увещевал, не раскисай, будь стойким! – Гамид, все еще не успокаиваясь, прошел за стол и пригрозил белым толстым кулаком. – Ну и что мне теперь делать? Ты думаешь, только ты попал? Мое положение не слаще твоего! Думаешь, меня стороной обойдет? Четыре тонны арбузов – это тебе не шутки! Не пять, не десять килограмм, чтобы хоть купить на базаре у Нуруллы и положить на место. Как ты мог не подумать о таких последствиях?

На сей раз Тавеккюль опустил голову. «С правдой не поспоришь... Я же сразу предупредил, не по мне это место. Что поделать, если вся деревня – родня, враждовать что ли с ними? Вон, с бедолагой Азимом вот уже больше года никто не разговаривает. Как его только не обзывают – и Язидом зовут, и Гаджи Гарой, и жмотом называют мужика, ни на какие мероприятия не приглашают. Не хватало только, чтобы и меня прозвали «скупердьяем». Боже упаси! Я-то ладно, а дети? «Чей это сын? – Скупердьяев. Чья это дочка? – Скупердьяева». Не приведи Господь!»

Весь мир померк в глазах Тавеккюля, став темнее разлитых чернил. Его подхватили, не дав упасть, и усадили в кресло. У всех на лицах появились жалость и сострадание. Даже Гамид, извергающий молнии, и тот подбежал к нему, схватил за руку, и крикнул водителю Велишу, чтобы не зевал, а подал поскорее графин. И снова участливее всех оказался новый бригадир Наджаф.

– Вот ведь попал бедолага! Влип на ровном месте! И ведь никого у него нет, ни родителей, ни опоры за спиной...

Народ словно этого и ждал, все заговорили разом.

– ...Трое детей, старая мать, больная жена...

– Эх, беда.

– Не дай Бог, какие-то проверки....

Тут Азим, с которым более года никто не разговаривал, и все называли исключительно «Язидом», «жмотом» и «скаредом», воодушевленно вышел вперед и, словно получивший оправдание подсудимый, громко закричал:

– А ведь сами же и съели всю недостачу! Да, все мы съели эту кучу арбузов!

Все начали прятать глаза и сокрушаться в душе, мол, «а этот еще откуда взялся?» Азима никто не любил. В прошлом году он даже близко никого не подпустил к бахче. Никому и понюхать не дал арбузов.

– Ганбай, уезжая, сказал, что дает один день. Если до завтра не возместит недостачу, сообщит прокурору. Давайте поможем бедолаге. Вот я, к примеру, даю сто манат.

Азим достал из кармана новенький столик. У людей глаза на лоб полезли от такой щедрости. Новоизбранный бригадир Наджаф аж ахнул.

Председатель Гамид, покосившись на Азима, сказал:

– Ну, ты не шибко мельтеши, многого не знаешь...

– В этом деле нет других путей, других вариантов. На наших глазах пропадает наш братишка. – При слове «братишка» у всех защемило сердце. – Наш долг помочь ему. На то мы и друзья.

Азим настойчивым и продолжительным взглядом оглядел всех присутствующих.

Председатель Гамид подумал, что присоединение к такому «шантажу» может навредить его авторитету. Лавочник Касум терзался в душе, но все же не решился открыто, на глазах у всего села выворачивать карманы. На тот момент у него в кармане была целая кипа денег, но он их, как назло, не упорядочил, и потому не решился наугад тянуть из кармана купюру. А вдруг полтинник вытянет, – пуще Тавеккюля рухнет в обморок. «Все же лучше повременить. Поспешишь – людей насмешишь. Подождем, посмотрим, на что горазды остальные».

Тахмаз-киши рассчитывал только на семнадцать манатов, которые были у него в кармане, но на них он должен был завтра купить обувь дочери. У учителя Гейсара в кармане было всего две десятки и неделя до получки. И все же первым поддержал он – потянулся к заднему карману, чтобы достать эти десятки, но, поняв, что никто не шевелится, так и застыл с рукой в заднем кармане брюк. Оторопев, сделал вид, что бедро почесывает... Азим, увидев, что все молчат как рыбы, закричал на весь кабинет:

– Знаю я вас всех! Очень хорошо знаю! Как облупленных! Вам бы только языками чесать, на словах друг друга «братьями» называть!

Взяв под руку Тавеккюля, он повел его к двери:

– Пойдем, пойдем отсюда!

В кабинете наступила тишина. Расстроенный больше всех Гамид, не находя выхода из положения, стукнул по столу кулаком. Опрокинутая чернильница на сей раз с грохотом упала на пол. Чернила брызнули на брюки председателя.

– Да пропади все пропадом, ни минуты покоя в этой адовой дыре! Мало было бед! Ей-богу, я даже имя свое забываю иногда! Воды выпить некогда, люди! И тут еще эти чертовы арбузы! Хороши односельчане! Ну, теперь начнутся пересуды, что в Солтанлы ни одного мужика не нашлось, из-за пары-тройки перезревших арбузов пожертвовали человеком. И первым будут обвинять меня, меня будут крыть, на чем свет стоит!

Присутствующие задумчиво молчали. Гамид нетерпеливо спросил:

– Ну что, как нам быть? Что будем делать?

Лавочник Касум заерзал, что-то хотел сказать, но опять увидев, что все молчат, прикусил язык. «Посмотрим, что скажут остальные». А «остальные» угрюмо молчали. В этот момент учитель Гейсар покашлял, привлекая внимание собравшихся. Все взгляды устремились на него. «Посмотрим, что посоветует учитель».

– Действительно, дело не из легких. Легко сказать – четыре тонны арбузов. Как задумаешься, шапка с головы валится. – Услышав о шапке, все, как один, посмотрели на панаму учителя и подумали об одном и том же: «Все та же». То есть та самая, которую он носит с того самого дня, как приехал в село. Учитель Гейсар работал в этом селе уже девятый год. – Ни у меня, ни у вас в огороде арбузы не растут. Но все мы односельчане. Нехорошо это, чтобы человека посадили из-за такого пустяка. И Таваккюль, насколько мне известно, парень неплохой. Он был самым старательным, самым дисциплинированным учеником нашей школы...

Гамид прервал учителя Гейсара:

– Учитель, ты абсолютно прав, это никуда не годится. Этого нельзя допустить... Я так скажу – стыд и срам нам, коли дадим арестовать его из-за такой ерунды.

На сей раз учитель Гейсар перебил Гамида:

– Да, это будет форменный позор. В таком случае мы носа не должны из дома казать. Что скажут люди? Одно дело воровство, хищение народного имущества, мо-

шенничество, и совсем другое дело угощать односельчан из благодушия. Эти четыре тонны нами же и съедены. Всеми нами. А чего скрывать? Надо все называть своими именами. Правда дороже всего!

– Ну что ж, правда, она и в огне не горит, – прокашлявшись, заговорил председатель. – Никто не может сказать, что я, мол, не ел этих арбузов.

Отовсюду слышались признания:

– Это так...

– Да-да...

– Что правда, то правда...

– Лично мы съели два арбуза, – учитель Гейсар имел в виду свою семью. Учитель Гейсар всегда говорил во множественном числе. – И теперь мы не можем вернуть съеденное, или найти и положить на место. В селе выращивающих арбузы на пальцах можно пересчитать.

– Учитель, не тяни, переходи к сути! – нетерпеливо произнес председатель, расстегнув пуговицы рубашки. Сегодня он был без галстука. – Сам знаешь, дел по горло. Слава Богу, не с Луны же свалился. Говори живее свое предложение.

– Я предлагаю скинуться, подсобить немного деньжат, и этой же ночью раздобыть арбузы, выкупить и возместить недостачу. У меня в Сабирабаде есть знакомые, можно будет оттуда организовать.

– У меня тоже есть там знакомые. – Это сказал Азим, незаметно вошедший в кабинет. Но на сей раз никто не покосился на него.

– Раз так, – сказал председатель, вставая из-за стола, – Гейсар, Азим, тогда не теряйте времени. Я никуда не могу тронуться из села, а то сам лично занялся бы этим делом, организовал бы все. Какая разница, я или вы? Идите, приступайте к делу. Сделайте все, что возможно. Эй, Велиш, сегодня ты в распоряжении учителя.

Велиш, увидев, что Гейсар и Азим направляются в сторону его «ГАЗ-69», полпелся за ними. «Господи, неужели они собрались все село объездить? Только этого и не хватало...»

– Учитель, а может, вот как поступим: я поеду и сам заправлюсь, и машину заправлю... Ей-богу, мы начинаем мотаться по полям еще до первых петухов... Я пойду, подкреплюсь, а потом уже повезу вас, куда скажете.

Договорились встретиться перед управлением через два часа и разошлись.

Учитель Гейсар сложил столы Азима и свои двадцать манат и сказал:

– Неплохое начало.

Начали обход с домов в центре села. Обошли несколько дворов... Денег никто не дал. Кто-то сказал, что на последние деньги сегодня отоварился, кто-то сказал, что выслал дочке, учащейся в Баку, а кто-то сообщил, что одолжил соседу. Словом, никто не оказал поддержки. Некоторые даже возмутились, мол, учитель, тебе что, делать больше нечего? Самому не спится, и людям не даешь. С утра у всех дела, да и у тебя тоже, и шепотом добавили: – А этого «Язида» чего с собой таскаешь? Сидел бы уже на своем месте! И потом, утро вечера мудренее.

На углу дома Бильгеис учитель вернул деньги Азиму и сказал:

– Прости, и тебя побеспокоил. Спокойной ночи!

Азим громко сплюнул. Сквозь зубы кого-то обругал. Не пройдя нескольких шагов, обернулся назад и окликнул учителя Гейсара:

– Учитель, погоди!

Оказывается, учитель в темноте не заметил и отдал Азиму, вместо его столы, свою надорванную сбоку десятку...

Утро, и правда, оказалось мудреным.

Был полдень. Тавеккюль мастерил новую рукоятку для топора. Дети играли во дворе. Жена и мать были на сборе хлопка. Неожиданно в калитку постучались. «Ого! Это еще кто стучится? Что за новая мода в деревне – стучаться?» Он почуял что-то

неладное. В деревне редко стучались в дверь. К тому же этот стук не был похож на остальные. Как-то сердито и надменно прозвучал этот стук. Когда Тавеккюль направился к калитке, младшая дочь Нахыш обняла ногу отца:

– Не уходи, папа!

– Не бойся, маленькая, не бойся!

Тавеккюль взял дочку на руки, расцеловал, погладил по голове. Чтобы как следует отругать принесшего «новую моду» в село, открыл калитку ногой. Увидев стоящего у ворот и машину чуть поодаль от него, несмотря на сильную жару, похолодел... Нахыш, увидев хмурого незнакомца, еще крепче обвила руками шею отца.

Упитанный и смуглый сержант спросил надменным тоном:

– Гражданин Джалилов Тавеккюль Халил оглу?

Тавеккюль, облизав потрескавшиеся губы, попытался улыбнуться.

– Добро пожаловать, Ханбаба! Чего же ты в дверях стоишь? Проходи в дом. Как дела? Как...

Сержант, давая понять, что категорически не собирается проходить в дом, снова спросил еще более надменным тоном:

– Я спрашиваю, вы – гражданин Джалилов Тавеккюль Халил оглу?

Тавеккюль опустил дочь на землю и хотел было взять под руку Ханбабу.

– Ханбаба, брат, ты чего, не знаешь меня, что ли? Это еще что за шутки? Разве в селе есть другой Тавеккюль, что ты у меня еще и фамилию спрашиваешь? И потом, не пугай детей. – К ним подбежала и Зариш, и обе девочки в испуге прижались к ногам отца.

– Гражданин, прошу не задерживать нас.

«Нас»? Тавеккюль, вытянув шею, взглянул в сторону машины и узнал второго сержанта. Но и тот, точно как Ханбаба, «не узнал» Тавеккюля.

– Если вы Джалилов Тавеккюль Халил оглу, просим вас проехать с нами. Вот вам санкция прокурора.

Девочки не отпускали отца. Поняв по надменности «чужих дядей» и несчастному виду отца, что происходит что-то недоброе, они всхлипнули. Тавеккюль поднял девочек на руки и сказал:

– Не плачьте, родные мои. Разве можно плакать вслед за папой?

Он натянул на себя первую попавшуюся под руки рубашку и окликнул соседа.

– Есть кто дома?

Из-за забора показался парень.

– Я, дядя Тавеккюль!

– Эй, братишка, присмотри за... – хотел сказать «за девочками», но к горлу подкатил ком, весь покрылся испариной. – Присмотри за детьми, я скоро вернусь. Если даже не скоро, то к вечеру точно буду. Смотри, не зевай! Чтобы я не слышал вечером жалоб.

... Но ни тем вечером, ни последовавшими за ним многими другими вечерами Тавеккюль так и не вернулся.

Через пару дней после ухода Тавеккюля его младшая дочь Нахыш закатила истерику, требуя арбуз. Как ни старались мать с бабушкой отвлечь ее, ничего не вышло. И жена, и мать Тавеккюля чуть с ума не сходили при одном только упоминании арбуза. Но Нахыш никак не унималась, упрямо твердила одно и то же: «Ничего не знаю, хочу арбуз!»

Оставшись в безвыходном положении, бабушка направилась к бахче. По дороге встретила Велиша, что-то спросила у него и, услышав его ответ, развернулась и побрела обратно.

... «Язида», «скарета» и «копеечника» Азима вновь назначили бригадиром бахчи...

Брак

Для директора базы тары это лето выдалось непростым. У вагона, везущего откуда-то доски для ящиков, «отвалилось» колесо. «Горело» все: и управление, и заказчики, и закупщики, у которых пропадали тонны урожая, и крестьяне. Люди молились о чуде, многие дали зарок принести в жертву барашка. Еще пару дней, и помидоры окончательно созреют, а возить куда-то дозревшие плоды было безумием, которое обернулось бы разорением – до места назначения созревшие помидоры доехали бы разве что в виде томатной каши. И пятимесячный тяжкий труд пойдет коту под хвост. А ведь люди рассчитывали на эти деньги, чтобы сыграть свадьбы, провести помолвки, достроить дом.

Директор не казал носу ни домой, ни в управление – отсиживался в доме одного дальнего родственника. При необходимости, и то, уже после двенадцати ночи, звонил сторожу Наги и спрашивал у него всегда одно и то же: «Поступил? Не отправляли телеграммы в райком, в министерство? Кто пуще всех разводит демагогию?»

Да и Наги приходилось несладко. Раздачу досок для ящиков, сбор денег и прочие обязанности начальство препоручило ему. Теперь люди его со свету сживали: возвращай, мол, наши деньги, и весь разговор!

Ящики нынче были дороже и хлеба, и воды, и даже денег. Тысячи тонн помидоров в этих ящиках должны были отправляться в дальние города и через неделю, максимум через десять дней, превратившись в сотни тысяч денег, осчастливить поставщиков.

Наконец, позавчера вагон прибыл. Потерявшие всякое терпение люди по срочному наряду получили выделенные им доски и увезли. Собрав соседей и родню, в считанные минуты кое-как, с горем пополам сколотили ящики и отправились в села, где условились о товаре, а там уже вместе с хозяевами починили оставшиеся разбитые ящики, наполнили помидорами и ночью же пустились в путь.

Наги, объявив в центре базара сбор «сезонной» бригады, собрал ребятню. Он платил по 20 копеек за ящик. Это была хорошая возможность для желающих подработать десять-пятнадцать манатов в день. Дима, Коля, Гена и еще несколько местных парней, падких на сладкое вино, трудились в поте лица на дневном пекле, разбивая в кровь пальцы. Среди работавших было и несколько девчонок.

Жара стояла неимоверная. Одно слово – Аран¹, июль месяц! Гарабала (настоящее его имя было Солтан. Классный журнал заполнялся по метрике, и потому по имени к нему обращались только учителя, да и те иногда Гарабалой кликали) исподлобья взглянул на ребятню. Близился полдень. Ребята устали, работали уже через силу. Забив последний гвоздь в ящик, он сказал:

– Перекур!

Побросав молотки к груде ящиков, все расселись, скрестив ноги, прямо в пыли.

– Лимонад или арбуз? – спросил Гарабала.

Кто-то проямлил:

– Лучше арбуз. От лимонада только больше пить тянет.

Гарабала достал из нагрудного кармана рубашки пятерку:

– Кто сгоняет на базар?

Никто не отозвался.

– Тогда жребий?

– Дава-а-айте... – вновь проямлил тот же голос.

Именно за такую манеру разговора его прозвали «Мямлей».

Гарабалы жребий, естественно, не касался. Ребята признавали его лидерство

¹ Аран – низменная часть междуречья Куры и Аракса.

и безоговорочно выполняли все поручения. Он поднял с земли четыре щепки, одну надломил и, перемешав в ладони, выставил их, зажав среди пальцев:

– Тяните.

На базар предстояло пойти тому, кто вытянет короткую щепку. Ее, к вящему недовольству ребят, вытянул обритый наголо толстяк.

– Ну все, не видать нам сегодня арбуза.

– Опять его обдурят и подсунут перезрелый арбуз.

– Ну, пиши пропало!..

– Намик, сбегай ты, а?

Намик насупил брови и заерзал на месте. Недовольно покосившись на них, помахал подолом майки. Несмотря на то, что сидели они в тени, казалось, рядом с ними полыхает костер и обдаёт их жаром пламени.

– Что скажешь, Гарабала, может, Намик сбегает?

– Пусть идет! – подтвердил «шеф».

– Ну вот, опять я... – проворчал Намик.

– Сам пойду, – воскликнул Гарабала и, опершись правой рукой о землю, вскочил на ноги. Ребята переполошились:

– Да сядь ты! Что ты, ей-богу...

Кто-то рявкнул на Намика:

– Давай, шевелись!

Намик взял деньги и поспешил на базар.

... Чуть поодаль мерно стучала молотком девочка. Она работала не поднимая глаз. Стеснялась, что ли, стыдилась или еще что? На ней было старое платье, полинявшее от многократной стирки, и стоптанные, залатанные кое-как тапочки.

Наги сидел в свое будке и, наблюдая за работниками, медленно потягивал чай. Все, кто заходил и выходил во двор управления, проходя мимо Наги, непременно перешучивались с ним, зная, что он ради красного словца, как говорится, не пожалеет родного отца.

– Салам алейкум, ай Наги, как дела?

Наги лениво отвечал:

– Дела у прокурора, а мы так, тремса у забора.

Даже на простое приветствие Наги непременно отвечал в свойственной ему манере шуткой да прибауткой, что иной раз вызывало недовольство. Кто-то, неодобрительно качая головой, оставлял его реплику без внимания, иные негодовали:

– Что ты все умничаешь! Взрослый мужик! Уж и здороваться по-человечески разучился!

– Да брось ты, правда, что ли? Езжай! Семафор открыт!

– Ха-ха-ха...

Другие, напротив, подходили и шумно здоровались, до слез пожимая его сухонькую руку и шлепая по худой спине. Наги вынужденно терпел, и, дождавшись внимания окружающих, приняв участливый вид, говорил:

– А ведь говорил я тебе, когда идешь в управление, не заходи на ферму?

– А в чем дело?

– Стоит тебе мимо фермы пройти, как тотчас же набираешься замашек ее обитателей.

И пошло-поехало – Наги уже невозможно было остановить. Хохот разносился по всему управлению, но так называемые жертвы его шуток даже не думали обижаться на него. Все прекрасно знали Наги и заранее знали, какой ответ получат. На его шутки давно никто не обижался.

... Намик вернулся с базара с большим арбузом. Сначала достал из заднего кармана брюк газету и велел:

– Расстелите-ка! Ну!

Отдых в тени несколько приободрил ребят. Намик же, пешком по жаре притащивший с базара огромный арбуз, потерял всякое терпение. Он положил арбуз на газету, бросил сдачу в карман рубашки Гарабалы, висящей на гвоздике одного из ящиков, и прикрикнул на ребят.

– Ну, разрежьте же! Чего тянете? Вам же не терпелось.

Гарабала разрезал арбуз на дольки так, что вкусная середка осталась на одной из долек. Протянув эту дольку Мямле, он велел:

– Отнеси-ка той девочке.

Молодежь принялась с чавканьем уплетать арбуз.

Никто не обратил внимания на то, что Мямля молча вернулся и сел в сторонке. Наконец, ребята подняли головы и удивленно посмотрели на него. Мямля не притронулся к арбузу.

– Ты чего?

– Она не взяла арбуз.

– Ну и что?

– Эх! Отпихнула его, и он упал в пыль.

– Ничего страшного.

– Что значит «ничего страшного»? Жалко ведь! Такой здоровущий кусок – как от сердца оторвали, – сокрушался Мямля.

Ребята так и прыснули со смеху и повалились на ящики. Ящики с треском и грохотом рассыпались. Поднялась пыль.

– Ну, Мямля, ну жлобень! Хорошо, хоть девушкой не уродился!

Наги, со стаканом в руке, пригрозил им со своей будки.

– Смотрите у меня, вечером будут «бракованные» ящики, пеняйте на себя! Ящиков пятьдесят испортили уже? Наверняка испортили! Даже, может, и больше! Клиенты этими ящиками мне по башке стучат. Говорят: провались пропадом и ты, и те, кто их сколотил, и весь твой род! И так прозябаю в бедности, не могу заказать молитвы за упокой души покойных отца-матери, так дайте им хотя бы спокойно спать в своих могилах. Вы что, враги мне? Так тресните мне этими ящиками по башке... Тьфу на вас, запутался от злости!...Тресните этими молотками мне по макушке, избавьтесь от меня одним разом!

– Да что ты, не клянись, верим. Прости, мы не нарочно. – Намик громко повинился, а затем пробубнил под нос: – Чтоб тебе провалиться! Все равно вечером урежешь с каждого по два-три маната.

– За дело! – скомандовал Гарабала, и все дружно встали и снова принялись за работу.

Машины беспрерывно приезжали, забирали ящики и уезжали, поднимая пыль. Закупщики, сопровождающие водителей, заходили в будку Наги, о чем-то спорили, смачно хлопали себя по лицу и клялись: «Чтоб мне сдохнуть на месте! Клянусь твоей головой!» Время от времени слышались обрывки разговоров: «Адским трудом...», «Да там другой расчет ...» и т.д.

Работавшую в сторонке девочку уже не видно было из-за ящиков – она складывала их в груды вокруг себя, обложила с четырех сторон ящиками, как гусеница в коконе. Пока она справлялась с одним ящиком, парнишки сколачивали целых три. Но она продолжала все так же молча постукивать молотком, не обращая внимания на ребят. Из-за нее и остальные старались меньше болтать, не то Намик весь день травил бы анекдоты, ребята подтрунивали бы над Мямлей, приукрашивая его давешнюю фразу. А когда нет болтовни и шуток, работа в тягость, и напряженности – хоть отбавляй.

С приближением вечера жара постепенно спадала. Работа давалась значительно легче. Легкий ветерок, время от времени доносящийся издали, приносил облегчение, и Намик при каждом его дуновении повторял: «Ох, ох, хорошо, ох, не

могу!» При очередном возгласе в него швырнули маленькой деревяшкой. Он поднял голову. Гарабала сердито погрозил ему молотком. Намик жестами поинтересовался, в чем дело и, поняв причину, прикусил палец: «Ааааа! Девочка может неверно толковать, говоришь? Понятно. Молчу-молчу», – поднял он руки вверх.

– Как идут дела?

На сей раз Наги, встав на пороге будки, потряс мешочком с мелочью, поощряя ребят:

– Идите, счастливики! Мешок с деньгами дожидается вас.

Это была его старая уловка. Он почувствовал, что сегодня норму не вытянут, работа идет вяло, но не мог понять причину. За счет девочек и, в частности, благодаря белокурой красавице, работа должна была идти как по маслу, а было как раз наоборот. «Интересно, что там происходит? Не поругались ли? А может, из-за девочек поцапались?.. Все может быть... А что это за грохот был давеча?.. В таком случае с завтрашнего дня девочек попросим на выход».

Команда Гарабалы была основной ударной бригадой Наги. В течение дня они сколачивали более тысячи ящиков. Расплатившись с ребятами по 20 копеек за штуку, он, накинув еще 30 копеек – свою «долю» – божась и клянясь здоровьем своих детей, то и дело восклицал: «Да ты хоть знаешь, каким трудами мне это дается?!», хотя сбывал ящик по пятьдесят копеек. На укоры и порицания близких и родных, мол, Бога бы побоялся, ради материальных ценностей клясться здоровьем своих детей, он бегло отвечал: «Я же не дурак, я клянусь, положив щепку под язык».

– И что это значит?

– Ну, когда от души, но понарошку клянешься, щепка уберегает. Главное, самому верить в то, что клянешься от души. Да вы поглядите – люди опускают в стакан с водой каракули мулл, а потом хлебуют эту воду. На следующий день, глядишь, уже скачет, как конь. И следа от того бедного-несчастливого, бляющего как барашек больного не остается. Как тебе такое? Вот и мои клятвы тоже из той серии...

Спросивший слушал его басни с открытым ртом, хлопал глазами, а потом в полном изумлении шел по своим делам. А если, уходя, недоверчиво покачивал головой, получал вдогонку еще:

– Ступай, ступай. Тебе этого не понять!

Словом, с Наги сам черт бы не совладал.

Работа закончилась. Настало время принять «товар» и расплатиться с работниками. Ребята по принципу «черт с ним!», на всякий случай мастерили на восемьдесят ящиков больше нормы, чтобы получить «круглую» сумму: в любом случае Наги минимум десять ящиков «забраковывал» и недоплачивал, и ребята воспринимали это как данность. Спорить с ним было бесполезно. Допустим, если надеешься на десятку, должен был смастерить шестьдесят ящиков.

Расчет он начал с Мямли. Посчитал ящики и двенадцать из них «забраковал». Намеренно насчитал на два «забракованных» ящика больше, чтобы, в крайнем случае, если он начнет спорить, «уступить» ему эти два ящика и сговориться на десятке.

– Взрослый мужик, куда еще два «суешь»? Что он говорит, Гарабала?! – У Мямли даже вены на шее вздулись от возмущения.

Наги и сам понимал, что перегибает палку, но и наживы не упускал. Услышав имя Гарабалы, он решил, воспользовавшись удобным моментом, выслужиться перед ним:

– Вот только ради Гарабалы прощаю тебе эти два ящика, но все же ты лодырь криворукий.

Никто не ожидал от Мямли такой решительности, видимо, Наги его сильно задел. Вскинув голову, он сказал Наги в лицо:

– Яблоко от яблони далеко не упадет!

Вот чего-чего, а этого Наги не ожидал. Он выпучил глаза и завопил:

– Сейчас как врежу тебе пощечину, кровью плевать будешь!

Мямя отскочил в сторону:

– Да куда уж там!

– Ну, хорошо. Попадешься мне завтра! – пререкался Наги с ребенком.

– И ноги моей здесь больше не будет! – заявил тот и, насвистывая песню «Ай чичек», направился к выходу. Он даже не сомневался, что Гарабала выцарапает его долю у Наги.

Навязав по десять-пятнадцать «браков» каждому, Наги расплатился и с остальными, и, как всегда, не стал пересчитывать ящиков Гарабалы. Вместо этого он прокричал вслед уходящему Мяме:

– Вот как надо работать! Как из конвейера ящики – один к одному! Хоть сбрось все вниз с горы, если хоть один гвоздик зашатается – плюнь мне в лицо!

Намик толкнул локтем стоящего рядом паренька:

– Если найдешь там не заплёванное место!

Парень залился смехом и быстро прикрыл рот рукой, но сделал это так неловко, что чуть не задохнулся. Растерялся и толкнул Намика:

– Да не пыли тут! – и наигранно закашлял.

– Чего ржете? – Наги решил сорвать злость на этих бедолагах. Гарабала смекнул, что смутьян Намик, и быстро пресек попытки Наги, постепенно разгорающегося, как полено, отвести душу. Как ножом отрезал:

– Заканчивай!

«Вай-вай-вай! Ребенок, а что за нрав, что за характер!». Наги явно побаивался Гарабалу. Спросил у него робко:

– Сколько у тебя?

– Сто восемьдесят три!

Наги не раз пересчитывал его ящики и каждый раз бывал сконфужен. Ни разу не было недочетов. Он закрыл пакет с мелочью и положил его на стоящий рядом ящик, вынул из кармана пачку денег и медленно, демонстративно, дабы показать, что выделяет Гарабалу, и зависить себе цену, начал считать. Уловка не удалась, Гарабала вновь одернул его:

– Хорош играть! Завязывай!

Потянулся было за мелочью, но Гарабала, словно взрослый мужчина, ответил:

– Мелочь оставь себе.

– Ну что ты, Гарабала...

– Будь здоров...

Ребята двинулись в путь. У ворот послышался звонкий свист Мямы. Отчего-то у Наги не было настроения. Он ничего не ответил. Увидев, что он не ответил, Мямля тоже унялся. Действие равно противодействию. Царствие тебе Небесное, Исаак Ньютон!

Настала очередь девочки. Другие, что помладше, ушли еще в обед.

– Ну, говори, сколько ящиков?

– Ровно сто штук, дядя. Вот...

А считать было незачем. Девочка собрала по десять ящиков друг на друга и разделила в два ряда по пять стопок в каждом. Даже ребенку малому было ясно, что здесь ровно сто ящиков. Наги расстроился. Такая ясность ему была не на руку.

– А ну-ка, погоди!

Он обошел ящики, осмотрел их. Придраться было не к чему. Взял пару штук, стал рассматривать. Ничего не скажешь, ящики были один к одному. Черт побери! Вот привык ведь к придиркам. Пять-десять ящиков обязательно должны были быть «забракованы». А тут нужно было еще найти, к чему придраться. Наверняка девочка слышала взбучку, которую он устроил давеча парням, и работала аккуратно. И что теперь ей было сказать? Нечего. Он был совершенно растерян.

И тут заметил один криво забитый гвоздик и, уцепившись за него, завелся.

– Вай-вай-вай! Ну, куда это годится? Ты же мне все ящики испортила!

Девочка чуть было сознание не потеряла – вся побледнела, похолодела.

– Как?

– Девочка, милая моя, дорогая моя, ну, честное слово, эти ящики никуда не годятся!

Девочку бросило в дрожь. Она решила, что Наги хочет «забраковать» все ящики и не выплатит ей ни копейки.

– Почему, дядя?

– Что значит почему?! А потому что несчастный, который возьмется за этот ящик, проткнет себе руку этим гвоздем насквозь. Кровь хлынет фонтаном! А ящики кто собирал? – Наги обеими руками хлопнул себя по голове, – несчастный Наги! Возьмут меня за шкурку и куда отведут? В тюрьму! Дети мои пойдут по миру. А о тебе никто и не вспомнит.

– Я сейчас же все исправлю! Только этот ящик, так?.. – девочка побежала за молотком. Наги отнял у нее молоток и отбросил в сторону:

– Какой чинить будешь? Этот или тот, а может, вот этот? Один, два, три... пять... восемь... десять... да, да, ровно десять «браков»!

– Ей-богу, дядя, всего лишь один...

– Ну, вот еще! Спорить со мной будешь? Бери свои деньги и брысь отсюда! Наверняка мать заждалась.

Он оторвал кусок от газеты, которую ребята стелили днем под арбуз, и сделал небольшой кулек. Затем начал считать мелочь...

– Вот и последние восемь. – Немного поразмыслив, добавил еще двадцать копеек: – Восемнадцать, двадцать. – Посмотрел в лицо девочке: «Чья же это дочь? Надо будет завтра у Гарабалы спросить». Бросил ей еще двадцать копеек. – Вот тебе, восемнадцать манат сорок копеек. Все. Конец фильма. Иди, иди, марш домой!

Девочка взяла деньги и прижала к груди. Она немного пришла в себя, но все же что-то хотела сказать, да не успела, Наги отошел. «Немного постоит и уйдет».

Наги зашел в будку и подключил к сети электрический чайник. «Пока чайник закипит, подсчитаем сегодняшнюю прибыль». Он поставил счеты перед собой, набил туда цифры, известные лишь одному ему, что-то прибавил, убавил, сбившись со счета, со злостью вернул кости счетов обратно и начал пересчитывать снова. Загибая пальцы, мысленно что-то подсчитал, задумался, закрыл глаза, почесал затылок... Наконец, шумно вздохнул:

– Ну, и на том слава Богу! Вот и день проводили.

Чайник запыхтел паром. «Вот и чай закипел». Он сполоснул заварной чайник кипятком, насыпал чаю и поставил на электрическую плитку завариваться. Посмотрел на часы. «Пойду-ка я ворота закрою».

«Ой! Это еще кто там!» С места, где работал Гарабала со своей бригадой, слышалось постукивание. «Там что, кто-то еще остался? Не может этого быть. Одна девочка оставалась, и ее я выпроводил. Ого!..»

Наги расстроился. Это показалось ему дурным знаком. Засеменил туда, откуда слышалось постукивание. «Неужели я кого-то не заметил, не заплатил, и он теперь своими стуками напоминает о себе?» Он не стерпел, побежал. Добежав до дерева, Наги не поверил своим глазам. Господи, упаси! Это была та самая девчушка. «Она не ушла разве?»

Девочка, завидев Наги, сказала:

– Смотри, дядя, это последний, я уже заканчиваю. Вот так, – повторяла она, забивая гвозди, – этот сюда, а вот этот так, и вот так...

Она боялась, что Наги снова отнимет у нее молоток и отшвырнет в сторону, и поэтому, придав лицу как можно более милое и почти умоляющее выражение, говорила:

– Вот так, сюда и сюда, а этот сюда. И это восьмой!.. Клянусь Богом, дядя, ни один из них не «бракованный». Если не веришь, проверь.

Девочка брала по одному ящику и крутила перед ним, чтобы продемонстрировать надежность выполненной работы.

– Посмотрите, посмотрите! Хоть с горы вниз сбросьте!

Наги ошарашенно посмотрел на нее и взревел как медведь:

– Господи, боже мой, прости мою душу грешную!

– Дядя, пожалуйста, не сердись. Видишь ли, я посмотрела в магазине красивое платье. Оно стоит двадцать манатов. Поэтому я собрала еще восемь ящиков, чтобы заработать недостающие деньги. Мне же не продадут его дешевле.

«Как же я был слеп, дурак эдакий, сукин сын!» Наги выхватил из кармана пачку денег, из которой недавно отсчитывал Гарабале, и протянул ей:

– Бери, бери, сколько хочешь!

Девочка отпрянула:

– А где мелочь? Дайте мне мелочь. Мне не хватает одного маната шестидесяти копеек. Я потом их в хлебном обменяю на бумажные.

Наги разгорячился:

– Провалиться мне сквозь землю! Мелочь осталась в будке! Возьми из этих денег, сколько хочешь.

– Дайте сами.

В душе Наги закипало какое-то непонятное чувство. Его словно в одно мгновение окунули в горящий тандыр, а оттуда сразу в холодную воду арыка. Ему было не по себе. Кое-как он вытянул два маната и протянул девчужке. Она поспешно протянула ему сорок копеек, но Наги словно змея ужалила.

– Иди уже!!!

Девочка испугалась, слезы навернулись на ее глаза. Она то протягивала руку, то нерешительно одергивала и со слезами на глазах просила:

– Возьмите сдачу!.. Возьмите сдачу!

Она не решалась бросить сдачу и убежать: «А вдруг упадут, затеряются...»

Наги, скукожившись, со стоном катался по земле – то ли от мучений, то ли от боли, то ли охваченный страхом гнева Божьего... Чайник на электрической плите треснул и разбилсь вдребезги. Будка полыхала пламенем. Огонь с треском подбирался к ящикам.

1988

Возвращение

– Вон там и притормози!

– Где?

– Возле пегой коровы.

Водитель нажал на тормоза и внимательно осмотрелся вокруг. В округе, кроме пегой коровы, ничто не цепляло глаз. Вокруг простиралась бескрайняя степь, и на километры вокруг лишь редкие кустики колючек да тамариска. Вдоль асфальтовой дороги тянется широкий канал. По ту сторону канала раскинулась деревня: время от времени слышались сердитые окрики мужчины, вышедшего на лай собаки, и мычание коровы, и... отрывистое дыхание пассажира. Водитель заметил это, когда повернулся к нему за деньгами, и его рука упала на колени, как мерзлый лист с дерева. Пассажир, который всю дорогу без умолку рассказывал анекдоты и байки, часто угощал дорогими сигаретами, сейчас сидел, как неживой. Его впалая грудь вздымалась и опускалась, как кузнечные меха, глаза едва не вылезали из орбит, живые, как ртуть, бегающие, крупные зрачки влажно сверкали. Оставив дверь кабины полуоткрытой, он сидел неподвижно и застывшим взглядом глядел на простирающиеся вокруг, пока хватает глаз, заросли колючек и мелкие дождевые лужицы. Он дрожал всем телом,

и эта дрожь передалась водителю. «Что это с ним происходит? Господи, какая кошка перебежала мне дорогу этим утром?!» Водителю так и захотелось двинуть ему в лоб, вытолкнуть из машины и, ударив по газам, рвануть оттуда восвояси, но взглянув на широкие плечи пассажира, передумал. «Может, еще удастся избавиться от него по-хорошему». И с этими мыслями натянуто улыбнулся.

– Ну что, братец, кажется, доехали.

«Братец» даже бровью не повел. Он некоторое время еще глядел на поле, вдохнул в легкие жаркий и удушливый воздух и, взяв из-под ног новую плетеную корзину, выпрыгнул из машины. Пройдя пару шагов, словно вспомнив что-то, вернулся обратно, достал из кармана такую же мятую, как его одежда, десятку и вложил в протянутую руку водителя.

– Спасибо, дорогой! Ты уж не обессудь, если мало.

И, размахивая руками, пошел прочь. По дороге несколько раз споткнулся и упал, водителю даже показалась, что пару раз ткнулся лицом прямо в землю. А самым невыносимым было то, как он обнял корову за шею, прижался лбом к ней, как к родному существу, поцеловал ее морду и зарыдал. В тишине его рыдания разносились по всей округе. Водитель, впервые в жизни сталкивающийся с таким, вдруг опомнился и нажал на газ так, что его старый «ГАЗ-53», как хромотая овца, увидевшая волка, сорвался с места и, чуть было не опрокинувшись, угодил в яму на правой обочине дороги. С трудом удержав равновесие машины, водитель в сердцах начал ругать того неудачливого негодяя, который повстречался ему этим утром и накликал на него эти невыносимые события, но даже выругавшись трехэтажным матом, не успокоился. От злости он схватил мятую десятку и, прихлопнув, размазал по лобовому стеклу осу, уже давно жужжавшую в салоне машины, досаждая ему. В этот момент он увидел в зеркале свое отражение – рот приоткрыт, зубы оскалены. «Что это? Неужели я схожу с ума?! Господи, что со мной?!» Он хлопнул себя по голове правой рукой...

Впереди ехали машины, полные людьми. Все как обычно – и дорога, и погода, и воробы на электрических проводах. А давешний случай был либо сном, либо...

... Он прошел по мосту с железной балюстрадой и поднялся на пригорок. Вот и деревня... «Ах, как радуется сердце! До чего же дороги мне каждый камень, каждый куст этой земли! Вот он, мой родной край! Я вернулся! Эй, народ, я вернулся! Почему не встречаете меня, люди? Это я, Дунйамалы! Знать, не такой уж я и вероломный! Было дело и прошло. Будь проклят виновник, чтобы ему пусто было, чтобы его дети осиротели так же, как при живом отце остались сиротами мои!»

Много горя хлебнул в жизни Дунйамалы. В раннем детстве потерял отца. В самый разгар войны, в те страшные годы, скончалась от голода сестра. Неоднократно его задерживала милиция, клеймо «несыть», «негодяй», «двуногий шакал» повисло на нем. Потом, уже в зрелом возрасте, он, уже привыкший к обеспеченной жизни, здорово настрадался в заключении, но ни разу не заплакал, даже слезинки не пролил.

Сейчас же, впервые в жизни дал волю чувствам. Как ни старался, а слез удержать не смог. Больше всего его коробило поведение «друзей». Еще три дня назад он оповестил их, что возвращается. Отправил телеграмму, причем не одному, не двум, а пятерым друзьям. Как всегда, не поспешил, не пожалел денег, хотя мог бы всех пятерых оповестить одной телеграммой. «Как же так? Разве так можно? Надо всем по отдельности сообщить! А что деньги? Пыль да тлен. На что они еще нужны?» Вот из-за этой своей расточительности, раздавая направо-налево жирных овечек каждому встречному, он и влип во все это. Когда опомнился, а на ферме уже не было ни кола, ни двора – лишь он и старый пастух Мамеднасир. И тот от злости аж зубами скреже-

тал. Так и хотелось старику сказать ему: «Болван ты эдакий, эти люди твои враги, просто собутыльники, очнись же ты, в конце-то концов, возьмишь за ум! Что ты будешь делать, когда нагрянет проверка и с тебя три шкуры сдерут? Тогда твои «друзья» разбегутся, спрячутся в своих норах, а ты останешься один-одинёшенек. Зачем же ты своими руками подписываешь свой приговор?»

Справедливости ради надо сказать, что пастух Мамеднабир не раз предупреждал его, а Дунйамалы только отмалчивался в ответ, мол, аксакалу негоже возражать да перечить. Но овцы Дунйамалы, завидев его друзей, дрожали как осиновый лист, разбегались, словно чувствуя неладное, а Дунйамалы, как сам говорит, не понимал этого, потому что в то время его «голова не соображала». Позже прокурор неоднократно у него спрашивал: «С кем ты разбазарил столько добра?» А он, дурень, бил себя в грудь и повторял: «Ни с кем. Были лишь я, я сам и Дунйамалы».

Родственники и знакомые тогда горько улыбнулись. «Дурак ты эдакий! Ничего не мыслишь. Не знаешь, какие испытания тебя ждут. Хочешь себя настоящим мужчиной показать, хорохоришься. Тебя уверили, мол, не выдавай нас, мы тебя вызволим, так ведь?» Близкие тогда жутко расстроились, а зеваки хохотали над его бестолковым острословием и беспечностью. Дунйамалы и сам гордился собой, восхищался своими ответами и хохотал. Тогда он не придавал особого значения последующему ходу расследования. Уже распланировал, как возместит пять-десять дней, проведенные за решеткой. Наверняка и «друзья» что-нибудь придумают. По крайней мере, организуют путевку куда-нибудь в Кисловодск или Ессентуки. Вплоть до отправки на этап он был уверен, что «вышестоящие друзья» его в беде не оставят. И опять, усевшись на коврик в тени тополя, они будут пить за здоровье тех самых «высокопоставленных друзей». Но «друзья» бесследно пропали в неизвестном направлении, как овцы из фермы.

Он спустился с пригорка и дрожащими, неуверенными шагами вступил с родное село. «Это дом Песи. Хорошо он благоустроил двор... Ооо! Ай, машаллах! Ты смотри-ка, «Волга»! Пользуйся на здоровье, Песи! Но с умом, с умом! Я-то горюшка нахлебался... У тебя тоже большая семья... Будь умницей, Песи... А это дом тетушки Зарбегим! Неужели это Зарбегим! Прямо помолодела старушка. По сыну, помнится, сильно тосковала. Он, слава Богу, отучился на врача и вернулся, о чем ей еще горевать? Не дай Бог матерям тосковать по детям. (Когда-то это сказала его мать о Зарбегим)».

Как странно безлюдно в селе.

Может, свадьба?.. А где же тогда музыка, веселье?..

Похороны?.. Да и плача не слышно...

Интересно, народ специально не высовывает нос на улицу, или это безлюдье случайно? Нет, быть такого не может, чтобы в сельское почтовое отделение пришли телеграммы на имя пятерых человек, и никто об этом не знал. Дунйамалы привык, что его дом всегда был полной чашей, открытым для гостей, потому свое возвращение из тюрьмы мечтал видеть именно таким – с ломящимся от яств столом и полным домом гостей – чтобы показать всем, что я все еще жив, я все еще тот же Дунйамалы.

Постепенно сердце начинало биться сильнее, в ушах загудело. Он никогда не видел родное село столь безлюдным и безмолвным. Неужели в этой деревне не найдется ни души, кто встретит его, не отыщется ни одного пацана, кто потребует магарыча? Ну нет, быть такого не может! Куда подевался весь народ? Померли, что ли, все? Вот, сейчас кто-то выглянет из-за ворот, либо из-за забора, или с веранды и закричит на всю деревню: «Эй, народ, Дунйамалы вернулся!» Или подростки толпой выйдут из-за угла и поздороваются с ним, а затем, отдалившись, начнут спрашивать друг у друга, мол, «Кто этот незнакомец?». А он повернется и ответит спросившему: «Эй, пострел, ты что, не узнал дядю Дунйамалы?» Вот тогда начнется беготня! Ох! Спорить будут за магарыч за добрую весть.

В полных слез глазах Дунйамалы что-то сверкнуло и погасло. «Бедная моя мать, как же разделит один кялагаи на десять частей? Да ничего, денег дам! Эти деньги честно заработаны своим трудом. Хоть бы пара ребятишек...»

Дунйамалы обмер, в горле пересохло. Он уже почти дошел до дома, а в дороге он не то, чтобы стариков, молодежи, детей, даже собаки шелудивой не повстречал. В этот момент за лай собаки он готов был отдать все, что у него в карманах, – собственноручно повязал бы платок матери на шею той собаки. Лишь бы она выбежала ему навстречу и своим лаем оповестила народ о его возвращении. А он бы нарочно громко закричал бы на собаку: «А ну пошел отсюда, пошел, пошел!» Ему необходимо было, чтобы люди узнали о его возвращении прямо сейчас. Он, наверно, ничего не желал больше. Что же это такое, Господи?! Ведь ты Милостивый и Милосердный, почему ты испытываешь меня, ай Аллах?!

Дунйамалы не шел, а бежал, и полная плетеная корзина путалась у него в ногах. На бегу он что-то невнятно напевал, подбирал с земли камни и швырял во дворы...

Собаки как сквозь землю провалились.

... Значит, вы все бережете свои «шкуры»? Угодил в тюрьму, и все, уже запятанный? И больше вроде и не человек? Ведь я же никого не обесчестил, краешком глаза не посмотрел ни на чью дочь или невестку, не злодействовал, – госимущество разбазарил, лично вам-то что сделал? Никому вреда не причинил. Что же вы так?.. Кажется, он начал догадываться... На самом деле о том, что он возвращается сегодня, знали все. Просто все попрятались по домам от греха подальше. Никто не хотел оказаться первым, поздравившимся с ним, и впасть в немилость. Дунйамалы упал на колени, загреб рукой землю вместе с травой и сплюнул.

– Тьфу на тебя, мир!

Давеча еще возможно было разобрать слова Дунйамалы, сейчас же какой-то грубый и непонятный звук вырывался из его горла – то ли вопль, то ли хрип задышающегося человека.

... Наконец, он дошел до своей калитки. Вот и его двор. Тот же самый старый дом, но внутри наверняка должны быть значительные изменения. Когда зачитывали приговор, он слышал о конфискации имущества. Во дворе вроде все аккуратно и чисто. Кажется, гранатовые деревья и виноград посадили после него.

... Из сада вышел парнишка, держа в руках кастрюлю с вишней и черешней. Вслед за ним вышла девочка, а с ней, держась за подол ее платья, еще одна, помладше. Мальчишка был первенцем Дунйамалы. Он назвал его в честь своего покойного отца – Раджаб, и зачастую звал «деде» (отец). Старшая девочка – дочь Севиндж. Конечно же, он узнал ее. «Какая же красавица выросла, слава тебе Господи!» А младшая – Севиль. Когда его арестовали, ее еще и на свете не было. Ее он видел впервые. И сразу прикипел к ней. Сердце кровью обливалось. Он толкнул коленом створку свежеекрашенной калитки и бросился во двор.

– Раджаб, деде, это я! Я вернулся, дети мои дорогие! Вернулся, кровиночки мои!

Раджаб не узнал отца. Севиндж спряталась за старшим братом. А Севиль испугалась и заплакала. Плач ребенка отдавался болью в сердце, переворачивая нутро.

– Мои сиротки, чего же боитесь, родные мои? Раджаб, деде, беги, обрадуй маму. Скажи, что папа вернулся!

Раджаб не шевельнулся, словно окаменел. Дунйамалы, увидев холодный взгляд сына, заколотил себя по голове. Все трое детей зарыдали в один голос. В саду слышался грохот. Кто-то закричал:

– Что случилось, Раджаб?

Мать и жена Дунйамалы кинулись к ним и взяли детей на руки.

– Ты? Сынок, родной мой, пришел-таки, слава Богу!

– Добро пожаловать... Дунйамалы.

У молодой женщины улыбнулись глаза, лицо заалело маковым цветом. По телу побежали мурашки, сладко заныла грудь. Руки ослабли от разливающегося по всему телу приятного чувства. Девочки соскользнули с рук матери и бабушки на землю – увидев счастливое лицо матери, они поняли, что происходит что-то хорошее.

Дунйамалы, не удержавшись на ногах, опустился на колени:

– Мама, мои дети меня не узнали! Почему так, мама... почему мой магарыч...

Горькие рыдания, застряв как черствая корка в глотке, не дали ему закончить начатое. Жена и дети бросились к нему, крепко обняв, помогли встать и завели в дом, уложили на кровать. В полузабытьи, сквозь сон он почувствовал, что дети обнимают, целуют его и твердят:

– Папа, папа, где ты был до сих пор? Где ты был?

Кто-то раздел его. По теплу прикасающихся к нему пальцев, знакомому женскому дыханию он узнал жену. Долгим поцелуем прильнула к губам, пылающим, словно уголь. «Да, это она».

Мать вытолкала всех из дома:

– Он с дороги – пусть отдохнет немного.

У Дунйамалы сердце чуть ли не выпрыгивало из груди. Он не находил себе места от ощущения покоя, спокойствия и свободы. Не верил своему счастью. В его взглядах и действиях была какая-то скованность. Он рассматривал свой дом в четыре глаза, словно зашел сюда ненадолго и должен был вернуться, проведая своих. Казалось, он взглядом хотел вобрать все в себя и запомнить. Как сумасшедший целовал то сына, то дочек, обнимал то одного ребенка, то другого, то третьего. Одного к груди прижимал, другого гладил по голове, полной грудью вдыхал запах волос младшенькой. Немного спустя бросился в ноги матери и расцеловал их.

– Мама, умереть мне у твоих ног! Прости мне все!.. Я не был тебе хорошим сыном. Прости меня, мама!..

Тут и женщины не сдержались. Зарыдали, застонали, взмолились Всевышнему.

– Я не поверю в Бога, пока Он не восстановит справедливость, если он сам не воздаст каждому, кто подставил невинного! – со слезами сказала жена.

– Не гневи Бога, дочка, – сказала свекровь, успокаивая невестку, – что поделать? Знать, такова наша доля. Хвала Всевышнему за все! Было и прошло. Могло быть и хуже. Главное, что вернулся жив-здоров к детям и к нам. Слава Аллаху!

«Я теперь, если захочу, могу спать до вечера и даже утра? Можно?.. Можно! Конечно! Почему же нет? Попрошу принести мой обед и чай к кровати. Буду пить чай прямо в постели. Севиль буду укладывать на руках. «Деде» будет сидеть слева от меня, возле сердца, а Севиндж справа. Ох, как же хорошо!»

Он вдоволь поплакал, излил душу. Ему полегчало, стало гораздо легче дышать. «Вот бы еще сердце успокоилось». Он приложил руку к левой стороне груди. «Да что с тобой? Успокойся. Тише... еще тише... еще чуть-чуть... вот так... хорошо...»

Дунйамалы какое-то время лежал, не шевелясь, как пловец на поверхности воды. Затем погладил железную спинку и сетку своей кровати. Раскинулся на кровати свободно и глубоко вздохнул, расслабив все тело. Слезы на губах сейчас были сладкими. Плохо было то, что воздух тяжело поступал в легкие. От одышки сердце готово было выскочить из груди. Он не мог так сразу привыкнуть к удобству, заботе, ласке и покою.

Мать укрыла его старым, недавно выстиранным и перестеганным одеялом. Дом был пропитан давно забытым им запахом матери, жены и детей. И свободой, которую он почувствовал и ощутил только сейчас, в своей постели, в окружении родных, хотя освободился из заключения несколько дней назад...

Имишли 1986